

Алексей Иванов

Алексей Иванов

**ОХОТА НА
«БОЛЬШУЮ
МЕДВЕДИЦУ»**

Повести

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И17

Оформление переплета
и внутренние иллюстрации — *Михаил Салтыков*

Иванов, Алексей Викторович.

И17 Охота на «Большую Медведицу» : повести / Алексей Иванов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 526, [2] с. — (Новый Алексей Иванов).

ISBN 978-5-17-123420-1

Алексей Иванов — писатель, сценарист и культуролог. Он работает в самых разных литературных форматах. «Географ глобус пропил», «Блуда и МУДО», «Общлага-на-Крови» и «Ненастье» — современная городская проза. «Золото бунта» и «Сердце пармы» — модернистские исторические романы. «Псоглавцы» и «Комьюнити» — интеллектуальные триллеры. «Горнозаводская цивилизация», «Хребет России» и «Увидеть русский бунт» — масштабные фотокниги о национальной и нестоличной истории.

Три ранние повести Алексея Иванова («Охота на “Большую Медведицу”», «Земля-сортировочная», «Корабли и галактика»), написанные на излёте Советского Союза, по своей генетике ещё принадлежат великой советской фантастике. И всё-таки они уже чуть больше, чем советская фантастика. Жёстче по идее, рискованнее по антуражу, свободнее по вымыслу. Но их искренняя вера в человека и человечество — они оттуда, из Золотого века.

УДК 821.161.1

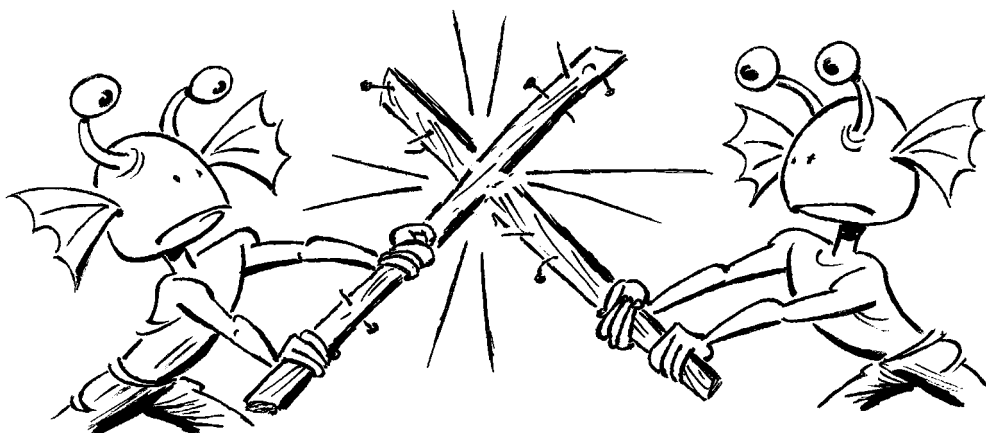
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-123420-1

© Иванов А.В.

© ООО «Издательство АСТ»

ЗЕМЛЯ-
СОРТИРОВОЧНАЯ

Глава 1

КАК Я РЕШИЛ ПРО ВСЁ ПРО ЭТО НАПИСАТЬ

Если бы к северу от нас не было Старомыквинска, то мы бы назывались Новомыквинск-сортировочный. А если бы на юге не было Новомыквинска, то Старомыквинск-сортировочный. Но оба они есть и там, и там, поэтому мы называемся просто Сортировка.

Вся история с космическим десантом и повстанцами тут у нас и произошла. Все ее знают, и с разными подробностями. Но она как-то мимо жизни проходит. Ни астрономы к нам никакие не приезжали, ни в газетах не писали. Словно ничего

и не было вовсе. Когда два года назад у нас сошел с рельс пассажирский поезд, то комиссия сказала, что про это в газетах сообщать не будут, потому что это особенный случай. А про особенное не пишут, потому что все люди живут нормально. Только у нас ненормально. Поэтому и космонавты прилетели. Короче, в стране о нашей истории мало знают, и я решил написать ее ну типа как повесть научно-фантастическую.

Вообще-то я фантастику читаю много. Но только вот настоящие писатели про пришельцев всё как-то не так пишут. Нет, конечно, интересно, зыко, но не так. Наш с Барбарисом друг Леха Коробкин (он сейчас в армии) сказал, что это потому, что они интеллигенты, а мы рабочий класс и имеем доступ к средствам производства, к той же железной дороге, например. У писателей все пришельцы почему-то на мечах стражаются, и всякие параллельные миры. А на самом деле у всех событий и причины другие, и происходят они по-другому. Пришельцы, к примеру, прибыли к нам не из параллельного мира, а из космоса, их там дофига. И пластались они не мечами (хотя среди них были и принцы даже), не бластерами, а так, что уж под руку подворачивалось — ну, доской там, кулаком или кирпичом зафитилят. Мужики наши говорили потом, что и бластерами тоже, но я смотрю утром — у кого фонарь, у кого зуба нет. Просто они в запале

не разбирались. Да и ладно, не в бластерах дело. Короче, я не писатель, и расскажу правду.

У нас на Сортировке железных дорог — тьма. Сколько я не считал, какую-нибудь да забуду. Значит, так: две ветки — на Старомыквинск и Новомыквинск, потом на запад, еще на юг, на рудник, затем старая колея, затем на паровозное кладбище, на кольцо, — в общем, целый кубик Рубика, не разберешься. Станция у нас крупная, вокзал большой, а народу на нем мало. Летом еще куда ни шло, а зимой совсем никого.

Из водоемов у нас только река Мыква. Она узкая, грязная и мутная, потому что течет с карьеров. Там, где ее пересекает улица Мартина Лютера Кинга, еще при Николае Кровавом сделали плотину, и в центре поселка у нас образовался пруд. Вода в нем отстаивается, и поэтому он чистый. А далеко в лесах протекает окончательно чистая речка Тиньва. Кроме Мыквы и Тиньвы, у нас есть еще Пантюхин овраг. Внутри он весь зарос кустами и бурьяном. Весною в нем течет бурный поток, а летом пересыхает. Мы гуляем в кустах и ищем, чего он принес — сапоги, корзины, тряпки. Леха Коробкин однажды нашел целый скелет то ли кошки, то ли зайца (задние ноги отвалились, а в остальном скелетом еще можно было пользоваться). Он запутался и висел на кусте малины. Больше в овраге ничего хорошего нет.

Ну, что еще можно сказать про Сортировку?.. Есть авто-станция, клуб, столовка, библиотека, школа, детский сад... Если, конечно, какой-нибудь пацан бы к нам приехал, я бы еще много интересного показал и рассказал. А в книжке писать про это не стоит, да и к пришельцам не относится.

Пришельцы у нас своими делами занимались и к людям не вмешивались. От них вроде и следов не осталось. Ну, конечно, тетка Рыбец кабана-то не вернула, ну дак он всё равно на ворованных помоях разжирел, и по нравственному закону его быть не могло. Бунька оправилась, а полезный аппарат у Карасева и вправду увели. Про денежный поезд сказали, что авария, а всё остальное уже совершенно ерунда. Никто не погиб, мужики вернулись, а прочее никого не касается.

Осталось еще сказать, что у нас в Сортировке почти все работают на железной дороге. Мои папка и мамка — проводники в Читинском экспрессе. Всё произошло, когда они уехали в рейс, а я жил у соседей — тети Клавдии и дяди Толи Поповых. Ихний сын Борька, которого еще Леха Коробкин прозвал Барбарисом, мой друг. Ну, не так, чтобы очень, а средне.

Вот. Больше сказать, вроде, нечего.

P.S. Я, наверна, неправильно сделал, что повистуху начел так просто. У настоящих песателей вот сначала ничево не понятна. Все кудато прячуца, грусьтят, и ктото до этово по-

гиб. Ну, ладно, у меня, может, творческая манера другая, без выкрутасов. Я читателей заинтересовать не собираю. Не захочут так читать — сами дураки, и всё. Зато у меня взаправду было.

Глава 2

КАК Я НАСЛУШАЛСЯ ЕРУНДЫ

Я проснулся от воя Красноярского скорого. Вой пронесся над сеновалом и улетел, только гул упрямо дрожал вдали, как струна, пока не растаял вовсе.

Мы с Барбарисом спали на цветастом, засаленном одеяле, брошенном поверх колючего сена, и укрывались другим одеялом — байковым, тощим, злобным, с фиолетовой железнодорожной печатью в углу. Наш коровник (вместе с сеновалом над стойлом) был насквозь просвечен солнечными лучами. Внутри клубилось светящееся облако сенной трухи, да сквозь настил снизу поднимался будоражащий коровий дух, тяжелый, как мед.

Я перелез через Барбариса, взрывая сено, добрался до лестницы и спустился вниз. Чтобы Барбарис учился прыгать,

лестницу я оттащил в сторону. Она была сверху увесистая, как парус.

На дворе было жарко и безветренно. Тополя на улице от пыли померкли и осели. Вдали яростно пылала новая цинковая крыша на доме Лютиковых. Со станции доносились невнятные крики и лязг. Через дом от нас кто-то звонко колотил гвозди, ровно по три удара на каждый — дыц! дыц! дыц! — дыц! дыц! дыц! дыц! — потом раздался вопль, вырванный из груди неверным ударом молотка, и всё сонно затихло, словно утонуло, выпустив вверх как последний пузырь круглое облако.

Рядом с коровником торчал угловатый короб из ржавой стальной сетки. В коробе, пища и качаясь, суетливо бегали цыплята. Около короба, наблюдая, сидел кот Мотька.

Мотькой (то есть МотиКом) его прозвал Барбарис, потому что у него на морде (у кота, конечно) были черные очки, как у мотогогонщика. Барбарис был помешан на мотоциклах. Он всё знал про них, вырезал все картинки с ними из журналов в библиотеке, набился в помощники и приятели всем мотоциклистам нашей Сортировки: и дяде Андрею Зацепе, и Сморгину, и бригадиру Орленко, и Мишке Чуркину, и потомственному рабочему Илье Петровичу Флангу, и Адидасу Тимур-Заде, который почти не говорил по-русски, и даже

участковому лейтенанту дяде Лубянкину, хотя у того мотоцикл был очень старый и бывший государственный.

Барбарис до трепета и тоски мечтал обладать двухколесным, грохочущим, бензиновым конем, мечтал однажды пролететь по улице Мартина Лютера Кинга на огнедышащем, сотрясающем мир чудовище без глушителя, передавив при этом всех гусей и засыпав поселок комьями грязи. Подружившись с Лехой Коробкиным, Барбарис загордился, — и мне пришлось выколотить из него гордость кулаками и черенком от лопаты. Только после этого Барбарису всё равно раз в четверть снилось, как перед армией на своем свирепом «Чизете» Леха Коробкин промчался прямо по железнодорожному мосту через Мыкву.

(Тогда навстречу ему из Новомыквинска шел состав, но Леха лишь увеличил скорость. Состав экстренно тормозил, визжа на всю область, а Леха соскочил с колеи только перед самым его носом и по косогору помчался в лес. Машинист Залымов на ходу выпрыгнул из локомотива и устремился за Лехой, сея опустошение на своем пути. Но Леху он не догнал, хотя пробежал несколько километров и сломал молодую сосну.)

Вспоминая Леху Коробкина, я повесил ведро на клюв колонки с ружейной мушкой на конце, отполированным рычагом накачал себе воды и переставил ведро на черную, разбухшую скамейку рядом. Потом я разделся. Вдали, в мареве,

где медленно плавали столбы и семафоры станции, переливчато затрубил Ленинградский поезд и, не останавливаясь, забарабанил на стыках. Вода в ведре задрожала, закачалась, размазав косматое, нестерпимое солнце. Я поднатужился, поднял ведро с солнцем и опрокинул на себя.

Вернувшись в коровник, я увидел, как сверху, с сеновала, сиганул вниз толстый Барбарис и врезался в землю, как Тунгусский метеорит.

— Ерепена крача!.. — очень тихо сказал он.

Я вообще-то редко мучаю Барбариса, но иногда просто не могу удержаться. У меня чувство юмора такое. И, в конце концов, ну почему он такой толстый, нерешительный и неумелый?

Я помог ему доковылять до кухни. Тетя Клавдя уже приготовила завтрак. На кухне было тесно, но чисто. Печку дядя Толя весной побелил. На столе, покрытом исцарапанной клеенкой с розами, млели блины под полотенцем и сметана в блюдечке. На окошке трепетала марля, тикали ходики, и с творога, откинутого в платочек, в рукомойник звонко падали мутные капли.

— Борьк! Вовк! — крикнула нам из комнаты тетя Клавдя. — Блины на столе, ешьте все!.. А я посижу тут, поговорю вон с Марусей Меркиной...

— Здрасьте, теть Марусь!.. — крикнули мы за стенку, усаживаясь.

— Здравствуйте, ребятки! — фальшивым голосом отозвалась Меркина.

— Вовк, ты не стесняйся, ешь как Борька, он у нас простой, — добавила неутомонная тетя Клавдя. — Борьк, а ты блины на стол не ложи!

— Не, — ответил Барбарис, скатывая трубочкой расстеленный на клеенке блин.

— Чего у Меркиной стряслось? — шепотом спросил я у Барбариса.

— А я почему знаю? — пожал плечами нелюбопытный Барбарис, макая блин в сметану до самых пальцев.

— Вот, Клавдь, я и говорю, — тихо забубнила Меркина за стенкой. Голос ее был дрожащим, потому что она всегда рыдала над плохими сплетнями, переживала их и верила им, как программе «Время». — Рожу так скрючил и говорит мне — знаешь ведь, как он умеет, так, с подковыркой, мол, баба дура, — пять миллионов, мол!

— Пять миллионов!.. — ошарашенно воскликнула тетя Клавдя.

— Пять, — пискнула Меркина и вдруг горько зарыдала, я даже услышал, как качается под ней старый диван с валиками по бокам.

— Дивану каюк, — тоже прислушиваясь, заметил Барбарис. — Сто раз бате твердил, пора новый купить...